

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Холодное сердце. Часть вторая, стр. 2

– Ну, я думаю, ста тысяч гульденов на первых порах тебе хватит. Если ты дашь им разумное употребление, то вскорости станешь миллионером.

– Сто тысяч? – в восторге вскричал бедный угольщик. – Да перестань же ты, сердце, так бешено колотиться в моей груди! Скоро мы с тобой простимся. Ладно, Михель! Давайте мне камень и деньги и, так и быть, вынимайте из клетки этого колотилу!

– Я знал, что ты парень с головой, – отвечал Голландец, ласково улыбаясь, – пойдем выпьем еще по стаканчику, а потом я отсчитаю тебе деньги.

Они опять уселись за стол в горнице и пили, пили до тех пор, пока Петер не погрузился в глубокий сон.

Петер–угольщик проснулся от веселой трели почтового рожка и – гляди–ка! – он сидел в роскошной карете и катил по широкой дороге, а когда высунулся из окна, то увидел позади, в голубой дымке, очертания Шварцвальда. Поначалу ему не верилось, что это он, а не кто другой сидит в карете. Ибо и платье на нем тоже было совсем не то, что вчера; однако он так отчетливо помнил все происшедшее с ним, что в конце концов перестал ломать голову и воскликнул: «И думать нечего – это я, Петер–угольщик, и никто другой!»

Он сам себе удивлялся, что нисколько не грустит, впервые покидая родимый тихий край, леса, где он так долго жил, и что, даже вспоминая о матери, которая осталась теперь сирая, без куска хлеба, не может выжать из глаз ни единой слезинки, ни единого вздоха из груди; ибо все теперь стало ему в равной степени безразлично. «Ах да, – вспомнил он, – ведь слезы и вздохи, тоска по родине и грусть исходят от сердца, а у меня теперь – спасибо Голландцу Михелю – сердце холодное, из камня».

Он приложил руку к груди, но там все было тихо, ничто не шевелилось. «Я буду рад, если он и насчет ста тысяч гульденов сдержал свое слово так же, как насчет сердца», – подумал он и принялся обшаривать карету. Он нашел много всякого платья, о каком только мог мечтать, но денег нигде не было. Наконец он наткнулся на какой–то саквояж, и в нем оказалось много тысяч талеров золотом и чеками на торговые дома во всех больших городах. «Вот и сбылись мои желания», – подумал Петер, уселся поудобнее в угол кареты и помчал в далекие края.

Два года колесил он по свету, глядел из окна кареты направо и налево, скользил взглядом по домам, мимо которых проезжал, а когда делал остановку, замечал лишь вывеску своей гостиницы, потом бегал по городу, где ему показывали разные достопримечательности. Но ничто его не радовало – ни картины, ни здания, ни музыка, ни танцы; у него было каменное сердце, безучастное ко всему, а его глаза и уши разучились воспринимать прекрасное. Только и осталось у него радости, что есть и пить, да спать; так он и жил, без цели рыская по свету, для развлечения ел, от скуки спал. Время от времени он, правда, вспоминал, что был, пожалуй, веселей и счастливей, когда жил бедно и принужден был работать, чтобы кормиться. Тогда ему доставляли удовольствие вид красивой долины, музыка и танцы, и он мог часами радоваться в ожидании немудрящей еды, которую мать приносила ему к угольной яме. И когда он вот так задумывался о прошлом, ему казалось невероятным, что теперь он не способен даже смеяться, а ведь раньше он хохотал над самой пустячной шуткой. Теперь же, когда другие смеялись, он лишь из вежливости кривил рот, но сердце его нисколько не веселилось. Он чувствовал, как спокойно у него на душе, но доволен все–таки не был. Но не тоска по родине и не грусть, а скука, опустошенность, безрадостная жизнь в конце концов погнали его домой.

Когда он выехал из Страсбурга и увидел родной лес, темневший вдаль, когда ему снова стали попадаться навстречу рослые шварцвальдцы с приветливыми открытыми лицами, когда до его слуха донеслась громкая, гортанная, но благозвучная родная речь, то он невольно схватился за сердце; ибо кровь в его жилах побежала быстрее и он готов был и радоваться и плакать в одно и то же время, – но вот глупец! – сердце–то у него было из камня. А камни мертвы, они не смеются и не плачут.

Первым делом он отправился к Голландцу Михелю, который принял его с прежним радушием.

– Михель, – сказал ему Петер, – я поездил по свету, многое повидал, но все это вздор и только нагнало на меня скуку. Правда, ваша каменная штучка, которую я ношу в груди, от многого меня оберегает. Я никогда не сержусь и не грущу, но зато и живу как бы наполовину. Не могли бы вы чуть–чуть оживить это каменное сердце? А еще лучше – верните мне мое прежнее! За свои двадцать пять лет я с ним свыкся, и ежели оно когда и выкидывало глупые шутики, все же то было честное и веселое сердце.

Лесной дух горько и зло рассмеялся.

– Когда в свой час ты умрешь, Петер Мунк, – ответил он, – оно непременно к тебе вернется; тогда ты вновь обрешь свое мягкое, отзывчивое сердце и почувствуешь, что тебя ожидает – радость или мука! Но здесь, на земле, оно больше твоим не станет. Да, Петер, поездил–то ты вволю, но жизнь, которую ты вел, не могла пойти тебе на пользу. Осядь где–нибудь в здешних лесах, построй себе дом, женись, пусти в оборот свои деньги, – тебе не хватает настоящего дела, от безделья ведь ты и скучал, а все сваливаешь на безвинное сердце.

Петер понял, что Михель прав, говоря о безделье, и вознамерился умножить свое богатство. Михель подарил ему еще сто тысяч гульденов и расстался с ним, как с добрым другом.

Вскоре в Шварцвальде разнеслась молва, что Петер–угольщик, или Петер–игрок, возвратился из дальних стран, и теперь–де он много богаче прежнего. И на сей раз все шло так, как издавна ведется: стоило Петеру остаться без гроша, как его вытолкали из «Солнца», а теперь, едва он в первый же воскресный вечер явился туда снова, все стали наперебой жать ему руку, расхваливать его лошадь, расспрашивать о путешествиях, и когда он сел играть на звонкие талеры с Толстяком Эзехилем, на него взирали с еще большим почтением, чем раньше.

Однако теперь он стал заниматься не стекольным делом, а лесоторговлей, правда, только для виду. Главным его занятием сделалась скупка и перепродажа хлеба и ростовщичество. Мало–помалу пол–Шварцвальда оказалось у него в долгу, но он ссужал деньги только из десяти процентов или вынуждал бедняков втридорога покупать у него зерно, ежели они не могли расплатиться сразу. С окружным начальником он был теперь в тесной дружбе, и ежели кто не мог точно в срок уплатить долг господину Петеру Мунку, начальник со своими подручными скакал к должнику, оценивал дом и хозяйство, мигом все продавал, а отца, мать и детей выгонял на все четыре стороны. Поначалу Петеру–богачу это доставляло некоторое неудовольствие, потому что несчастные бедняки, лишившись крова, осаждали его дом: мужчины молили о снисхождении, женщины пытались смягчить каменное сердце, а дети плакали, выпрашивая кусочек хлеба. Но когда он завел себе свирепых овчарок, «кошачьи концерты», как он их называл, сразу прекратились. Он науськивал псов на нищих, и те с криками разбегались. Больше всех досаждала ему «старуха». А это была не кто иная, как старая Мункиха, мать Петера. Она впала в нищету, когда ее дом и двор были проданы с молотка, а ее сынок, вернувшись домой богачом, о ней даже не вспомнил. Вот она время от времени и захаживала к нему на двор, старая, немощная, с клюкой. Войти в дом она не смела, ибо однажды он ее выгнал, но тяжело страдала оттого, что вынуждена жить подаданиями чужих людей, в то время как ее родной сын мог бы уготовить ей безбедную старость. Однако холодное сердце оставалось безучастным при виде знакомого увядшего лица, молящих глаз, протянутой иссохшей руки, согбенной фигуры. По субботам, когда она стучалась к нему в дверь, он ворча доставал мелкую монету, заворачивал в бумажку и высылал ей со слугой. Он слышал, как она дрожащим голосом благодарила его и желала ему благоденствия, как, кряхтя, брела прочь, но в эту минуту его занимало только одно: что он истратил попусту еще шесть батценов.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) >> [Дальше](#)